

Анна Минег

Научи любить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Минег
Научи любить

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Минег А.

Научи любить / А. Минег — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07751-5

Любовь. Нет чувства более сильного, чем любовь! Сколько поэтов, писателей сломало перья, пытаясь воспеть это чувство! Сколько воин, подлости, ревности и страданий произошло и случилось из-за неразделенной или коварной любви! В целомудренных советских фильмах, следом за страстным поцелуем влюбленных, следовала темнота. На пороге своей юности я всегда думала, что там, в этой темноте? Чем занимаются герои фильмов? Мой читатель! Не суди меня строго! В этой книге все про эту «темноту». Некоторые рассказы покажутся слишком откровенными, но жизнь преподносит и не такие сюжеты. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07751-5

© Минег А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Не договорились	5
Приключение в поезде	15
Эх, налюблюсь!	23
Дежурство	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Не договорились

Село наше, по местным меркам, довольно большое – пятьсот дворов, да в них проживают почти две тысячи человек. Это мне сообщила Ольга Никифорова, когда приходила покупать коньяк, да ещё на закуску пару плиток шоколада. Вы, конечно, не знаете Ольгу – она у нас в сельской администрации работает. Так что все сплетни мимо неё не проходят. Каких-то проверяющих да надзирающих они в этот день поили да ублажали.

Конечно, сплетни да слухи и на мои уши хорошо ложатся, как-никак я – продавец магазина! Так уж вышло...

Да разве могла я, сирота, добиться в этой жизни большего? Мать воспитывала меня без отца, и похоронили мы её с братом, вот уже как пятый год прошел. Хорошо хоть остался единственный родной человек – брат, он меня и определил в училище. Окончила я его, получив неплохую профессию – штукатур-маляр, да разве в городе без квартиры устроишься?

Осталась в небольшом родительском домике. Добрейшая Елена Михайловна, хозяйка магазина, взяла продавцом. Работа, конечно, вся на ногах: день пробегаешь от полок до весов, но только три дня я работала допоздна, а в остальное время меня подменяла сама хозяйка. Зарплата? По сельским меркам, неплохая. Жить можно, да и мой огород снабжал меня овощами исправно.

Беда пришла, откуда я её не ждала. Соседка моя, добрейшей души человек, наши огороды друг против друга, один ручей между ними; так умерла она!

Полгода прошло, как умерла...

Домик недолго пустовал, приехал её внук и поселился там. Почти сразу пришел он в магазин, покупать дорогие сигареты. И вообще хоть и ходил он в мой магазин редко, однако всегда делал покупки на приличную сумму. Вот скажите, откуда у него деньги?! Нигде не работал, изредка только приезжали к нему машины. Торопливо отпирал ворота, и они, заехав на широкий двор, оставались там на ночь. Сельская молва быстро разнесла весть – бывший зек он!

Так вот почему у него был такой колючий, словно пронизывающий взгляд!

До самой осени он жил тихо и незаметно, а вот осенью, когда первые морозцы сожгли картофельную ботву, заметила я его на огороде. Картошки он сажал мало, не в пример нам, сельским. Рядков десять, не более. Не то что я! Земля не должна пустовать, и городские жители хорошо раскупали картошку прямо со двора. Денег хватало и на дрова, и на уголь. С огородом я управлялась не сразу, где мне одной! Утречком встану, рядков пять выкопаю – вечером соберу. Так за недельку и управлюсь. А тут – прихожу домой, а идти переулком, огибая сараи бабы Лизы, ой, теперь уже её внука! И то – как минуешь эти пустующие сараюшки, то вот он, огород.

Гляжу, кто-то выкопал чуть ли не половину моей картошки! Выкопал и аккуратными рядками сложил клубни! Походила я по подсохшей земле да решила – брат заехал, вот он и помог! Только почему не зашел в магазин? Наверное, умаялся и дома спит!

Нет, замок на двери...

Делать нечего, беру ведра и собираю урожай. На завтра у меня тоже «короткий» день, хозяйка работает вечером. Только завернула за угол, вижу – сосед в ручье лопату моет, помахал мне рукой и, ни слова не говоря, ушел домой. Картошка – вся выкопана!

Идти к нему домой, сказать спасибо? Ладно – придет в магазин, куплю ему коньяк.

Неделю мой сосед не появлялся из дома. Машины приезжали и уезжали, а он – не показывался.

Сегодня я работала до десяти часов вечера. Осень, темнеет рано, так что иду по темноте. Да ничего – дело привычное, что со мной в родном селе случится? Свернула за угол и только дошла до середины сараев, как рванули меня в раскрытые двери, сильная мужская рука зажала рот, и свистящий шепот произнес:

– Не ори, дура! Все равно никто не услышит! А ты получишь по голове!

Я попыталась сопротивляться, да что толку? Почти волоком втащил он меня в дом, швырнул на кровать и, не дав вскочить, вlepил мне пощечину. Взрывом вспыхнули у меня в голове разноцветные круги, зазвенело в голове, и я провалилась в черный колодец.

Очнулась, как мне показалось, сразу. Дернулась, не тут-то было! Мои руки были прикованы наручниками к кровати, свитер снят, кофточки на мне не было. Бюстгальтер и трусы. Ноги не были связаны, да что толку? Но пришла я в ужас не оттого, что была связана, а оттого, что в рот была вставлена круглая палка, да ещё с концов связана веревкой за головой! Не закричать, не заговорить! Я замычала от страха и отчаяния!

Сосед, да Виктор его зовут – Виктор! Подошел ко мне:

– Прочухалась? Ты вот что, не трепыхайся! Ты сама видишь, я тебя трахну сегодня в свое удовольствие! Потом привыкнешь и сама будешь приходить! А сейчас немного водочки, для храбрости!– Он приподнял мою голову, и как ни мотала я ею, влил мне в рот обжигающую жидкость.

– Вот и ништяк! Молодца! А теперь мы снимем с тебя эту тряпочку! – Сильные ладони повернули меня на бок, и застежки, предательски щелкнув, разошлись в стороны.

Мой насильник гладил, мял и забирал в ладони мои груди.

– Хорошие сиськи! – Он припал губами к соскам.

Я замычала, забилась, снова пытаюсь вырваться.

– Слушай, не дергайся! Я же видел, как к тебе учитель ночью тайком шмыгал! Будешь паинькой, я ему ничего не скажу! Не лужа, хватит на двоих! – И он, довольный, заржал.

Откуда он узнал о наших встречах? Если Сергей узнает о том, что случилось, он меня бросит!

Пока я, словно парализованная, осмысливала сказанное, мой сосед не спеша снял брюки, цветные трусы и, взяв в руку свой член, провел им по моим соскам.

– Ты привыкай, я тебе вафлю нехилую подносить буду! Ах, да ты по фене мало смыслишь! Ну, минет это по-вашему, по-фраерски! А в зубы узду я тебе поставил – с дуру ещё откусишь! – Он громко заржал и провел концом члена по губам.

– Потом, когда привыкнешь, будешь моей соской! За обе щеки будешь брать, сучка!

Несколько раз пошлепав меня кончиком члена по губам, он резким движением сдернул с меня трусики:

– Сейчас ты, сучка, получишь по самое не хочу!

Как я ни пыталась повернуться набок или скрестить ноги, мой мучитель спокойно раздвинул их, встал на колени передо мной и несколько раз провел по моей щели.

– Где тут твоя сладенькая дырочка? Может, твой ё...рь не до конца её разработал?

Конец его члена ткнулся несколько раз, как бы примеряясь, и уверенно пошел внутрь, раздвигая мои половые губы.

Я замычала от бессилия, злобы и ярости!

– Вот теперь дергайся, ори и виляй задницей, шлюха! – Виктор как-то нехорошо оскалится и, протянув руку, взял с тумбочки, что стояла за кроватью, большой нож.

– Не станешь подмахивать, попишу твое личико, а потом задушу и в овраге закопаю! – с какой-то злобой прошипел он. Я на мгновение замерла, до меня дошел весь ужас происходящего.

Неловко двинула попку ему навстречу.

– Вот так-то! – довольно ощерился он. – Шлюха должна служить своему господину! – Он оперся на руки и стал долбить меня своим членом.

– Ох, люблю, когда яйца шлепают по попке очередной сучки! Ты не бойся, я ругаюсь, чтобы доставить себе большее удовольствие! Так я вполне тихий, но когда трахаю или в

рот даю, то не могу удержаться! Вот, вот тебе! – Он двигал свой член, слегка виляя бедрами. Головка его аппарата упиралась во что-то внутри меня, вызывая легкую, тянущую боль.

– Да ты дешевка, меня не пускаешь на всю длину моего болта! Сейчас мы тебя разработаем! – Он подложил свою ладонь под мои ягодицы и настойчиво стал тыкать своим концом в глубину. Что-то внутри меня растянулось, расступилось, и головка с трудом протиснулась глубже.

– Х-хе! – возликовал мой мучитель. – Натянул сучку полностью! – И он стал ритмично насаживать меня на свой член. Не знаю, сколько это продолжалось, хорошо, что он был сексуально голодный, член его напрягся, увеличился в размерах, и тут он быстро выхватил его из меня и, почти спрыгнув с кровати, оказался у моей головы!

– Ты думаешь, я туда буду сливать? В рот все, как последняя шлюха, получишь! – Напрасно я пыталась мотать головой, жидкость, стремительными толчками вылетающая из его члена, попадала мне в рот.

– Глотай, сука! Все глотай! – Он зажал мне нос, напрасно я пыталась языком вытолкнуть эту слегка солоноватую, с резким, как мне показалось, пивным вкусом жидкость. Глотала её, смешанную со слюной, и слезы бессилия, обиды и злобы текли по моим щекам.

– Привыкай! Будешь отсасывать по моему первому приказу! – Он пошлепал по моим губам и вытер о них слегка ослабевший член.

– Давай хлебнем водяры! Не бойсь, ещё немного потерпишь, и лети домой, пташечкой! – Сосед поднес к моим губам рюмку, пахнуло водкой, жидкость обожгла горло.

– А теперь мы тебя так! – Он разомкнул наручники на одной руке и, не обращая внимания на мои удары, быстро перевернул меня на живот. Щелк, и наручники снова растянули мои руки по спинке кровати.

– Это тебе чтобы удобнее было! Да и мне твоя попка повыше нужна! Смотри – специально для тебя надеваю презерватив со вкусом малины! – Насильник демонстративно натягивал презерватив на свой член. – Не бойсь, сосать не будешь!

Я, как загнанный в угол зверек, металась по кровати, пытаюсь на коленях найти укрытие. Тщетно! Он стал сзади меня, хлестким ударом по ягодицам прервал мои судорожные метания. И я с ужасом ощутила его палец чуть выше входа в мою киску!

– Вот, сейчас мы твою вторую дырочку хорошенько смажем и разработаем её понемногу!

Упругий конец его члена мягко коснулся входа в мою попку. Сильные и жесткие руки легли на бедра и медленно потянули на себя. Я замычала от нарастающей боли.

– Что? Так уж и больно? – Он одной рукой развязал мне веревки на затылке, и я выплюнула палку изо рта.

– Сволочь! Паскудник! Прекрати! Ты за все сполна ответишь! – Не помню, какие ещё слова я бросала в гнев.

– А вот это ты зря! – Острое лезвие ножа, скользнув по затылку, жестко прижало мою шею.

– Давай, не ори сильно, я не буду далеко вставлять! – Он снова потянул меня на себя.

– А-ай! Больно же! Отпусти, козел!

– А вот и моя козочка насадилась на мой конец! – Он отпустил меня, но его член, властно раздвинув вход, торчал там упругой палкой.

– Не елозь жопой! Больно будет! Я ещё немного подам вперед, чтобы ты не соскочила, а пока послушай вот это! – Он взял сотовый телефон, набрал номер.

– Это ты, Свист? Слушай, брателлю, тут у меня на конце бабец вертится, грозит ответкой!

Нет, не договорился, деру внаглую! Да, воспитываю попутно! Так вот, она ментами мне грозит! Если заметут, ты замочи эту сучку! Что? Трахнуть перед этим? Да сколько душа попросит! Но убей её по-черному! Помаринуй на веревке да ножичком пощекочи по всем злачным местам! Пустить кровянку и трахать? Ну ты зверюга! Если она затолкает меня на кичу, делай

что хочешь. Да, соседка, через ручей, я тебе её показывал! Лады! До встречи! Что? Групповушку устроить? Как только объезжу, так свистну тебя! Покедова! Ты, сучка, все поняла? – Он слегка подвигал членом.

– Сейчас потерпи, я твою дырочку немного раздолбаю!

Минут пять на меня волнами накатывалась боль, которая со временем стала слабеть.

– Ну вот и это моя сучка получила! – Он не торопясь погрузил свой член чуточку глубже и, придерживав презерватив, вынул его.

– Ты вот так, с хвостом, – наглец коротко хохотнул, – иди домой, там вынешь! И давай, не нарывайся на проблемы. Послезавтра придешь и получишь вот это, – он выдвинул ящик небольшого шкафчика, вынул оттуда красивое портмоне и показал мне двухтысячную купюру, – а сейчас только вот что заработала! – Сосед взял мои джинсы и засунул в карман тысячу.

– Одевайся! Водку будешь? – Он отомкнул наручники.

– Да пошел ты! – Я торопливо одевалась, путаясь в брюках. Схватила бельё в охапку и выскочила в дверь.

– Не забудь про моего кореша! Свист любит помучить бабенку, перед тем как трахнуть! – Мой насильник коротко свистнул мне вслед.

– «Ну, дрянь поганая, поплачешь ты у меня!» – Но тут весь гонор разом слетел с меня. Я с ужасом поняла, что теперь этот татуированный детина будет трахать меня так, как он захочет! Я упала на колени и горько зарыдала...

Легкое жжение в заднем проходе привело меня в чувство. Быстро сняла джинсы, вытянула презерватив и брезгливо выбросила его в ручей.

«Ты, Машка, главное, запомни! Нужно давать отпор всем этим жеребцам сразу! А не то один трахнет и другому хвалиться будет! Так по рукам и пойдешь! Сама выбирай, с кем и когда!» – внушала мне лучшая подруга по училищу.

Дома я полностью отошла от пережитого ужаса. Обращаться к ментам? Да ну их! Славы на всю деревню, только и всего! Да и опасно, а вдруг и впрямь этот Свист объявится? Уже совсем ложась спать, я точно знала, что сделаю!

На следующий день я была готова полностью исполнить свой план.

Виктор, мой сосед, пришел в магазин через день. Купил бутылку водки, дорогие конфеты, какие-то консервы и, рассчитавшись со мной, сделал недвусмысленный жест.

Я протянула ему сдачу, задержав его руку в своей руке, он нагло усмехнулся и почмокал губами. Я не отвела взгляд.

Домой я шла поздно, свернув за угол, не особенно и удивилась, увидев поджидающего соседа. Он широко раскинул руки, как бы намереваясь меня обнять. Но потом, слегка поклонившись, указал на дверь. Я послушно вошла внутрь сарая.

– Вот и умница! Будешь все делать так, как прикажу, и тебе хорошо будет, и мне!

В доме у него был накрыт стол. Не думала, что мужчина так может готовить! Жаркое из свинины, холодная заливная рыба, вино и водка в запотевших бутылках.

– Давай выпьем! Что будешь?

Я указала на вино.

– Тост! Пусть моя козочка всегда хорошо виляет задом перед своим козлом, – его глаза сверкнули недобрым блеском, – пусть моя соска, скучает по моему толстенькому и длинному х...ю!

Я мило улыбнулась ему.

Выпили. Закусили. Он неторопливо подвинул к себе бутылку водки, налил полный стакан и жадно выпил. Встал, подошел к дивану и, похлопав по клетчатому покрывалу, приказал мне сесть на него. Небрежным движением снял джинсы, стянул черные плавки и выпрямился. Его аппарат закачался у меня перед лицом.

– Давай, моя соска! Делай свое дело хорошо!

Я легонько прикоснулась губами к концу его члена. Провела языком по мягкой плоти.

– Э-э! Да ты совсем не умеешь делать минет! Давай, хорошенько смочи кончик слюной! Если он будет сухим, у тебя будет приступ тошноты. Еще блеванешь тут мне на ковер! Вот, вот, молодца! Так, теперь возьми его наполовину в рот! Убери зубы, – учил он меня, – шире раздвинь рот и сразу наденься головой так, чтобы конец коснулся горлянки. Да я и сам тебе помогу! – Сосед схватил меня за голову и резким движением насадил мой рот на свой член. От неожиданности, да чего там говорить, его член просто выдавил остатки воздуха в нос, и я смешно хрюкнула.

– Люблю, когда сучка вот так хлюпает! Давай, сама пару раз сделай, а я посмотрю! – И он, расстегнув пуговицы рубашки, смотрел, как мои губы растягиваются, охватывая его член.

– Ты только не кончай! Я хочу еще, чтобы ты вошел в меня вниз, – отстранившись, попросила я.

– Это дело! Мы его во все дырочки сегодня вставим! – Довольно заржав, Виктор потянулся к бутылке. – Ты кончик полируй, и пару раз пусть мой х... пощекочет твои железы!

Я делала все, что он просил. Гнев переполнял мою душу и тонкими ручейками вырывался наружу. Ещё немного, и он, словно вода в половодье, сметет все на своем пути. Последним усилием воли я затолкала себе его член глубоко в рот.

– Харэ! Давай, снимай одежду и кувыржайся на диванчик! Драть тебя там буду!

Я поспешно снимала с себя одежду, швыряя её на стул. Разделась и легла на диван, бесстыдно разбросав ноги.

– Файная шлюха мне попалась сегодня! – Он не спеша пристраивался на коленях между моих ног.

– Постой, положи нож поблизости, – остановила я его, – когда будешь сзади, то легко надавишь мне на шею. Меня это заводит!

– Моя козочка почувяла вкус настоящего траха!

Я проследила, как он положил нож на край тумбочки, и, приподняв голову, легла поближе к ней.

Наверное, после минета у мужиков член становится тверже! Пока я попробовала только у одного. Но он почти сразу вставил мне его на всю длину. Немного помедлив, стал ритмично двигать, слегка ускоряя в самом конце.

– Опустись на меня так, чтобы твоя грудь слегка прижала мою.

– Это мы с превеликим удовольствием! – И он, обдав меня запахом водки, впился в мои губы поцелуем. Даже когда я держала его член во рту, мне не было так противно!

Словно в страстном порыве, я вытянула свои руки за голову. Правой рукой нащупала рукоятку ножа, и удобно перехватив её, с размаху воткнула ему под левую лопатку.

– Ты-ы-ы! Заче... хе, хы... – Он резко откинулся, сильно прогнувшись спиной. Из рта показался кровавый пузырь. Я, выставив руки вперед, придержала его за правое плечо и успела выскользнуть из-под его рухнувшего тела.

Судорожно отпрыгнула с дивана и, замерев, уставилась на неподвижно распластанное тело. Его ноги слабо бились в беспорядочной дрожи. Меня медленно охватывал ужас!

Я только что убила человека!!!

Все пошло не так. В мои планы это не входило. Я всего лишь хотела воткнуть нож в его спину, чтобы повредить легкое. Тогда он попадет в больницу, и врачи вызовут полицию, и ему придется самому оправдываться! До чего же податливо тело человека! Острый нож, скользя по ребру, пробил сердце, и его кончик, натянув татуированную кожу, уголком торчал в груди. Когда я оттолкнула его, он правым боком упал на подушку и немного повернулся набок, как бы спасаясь от нестерпимой боли!

– Гад! Гад, сука! Козел вонючий! Это тебе за всё! – рыдала я, торопливо натягивая брюки.

«Стоп, Машка! Ты и это планировала! Разве не так?!» – внезапно пришедшая мысль отрезвила меня.

Дальше я уже действовала, словно на автомате. Схватила свою сумочку со спинки стула, достала медицинские перчатки. Быстро натянув их, беспорядочно побросала в сумочку свои трусики и бюстгальтер.

Так, ложка, вилка, фужер, к чему еще я могла прикоснуться? В сумочку, в сумочку! За бутылки я не бралась, хотя на них могли остаться отпечатки моих пальцев. Протрем салфеткой!

Нож! Рукоятка ножа.

Меня била нервная дрожь. Но – влажная салфетка, смоченная водкой, смазала и уничтожила все отпечатки с рукояти ножа. Пройдусь еще раз – для полной чистоты. Телефон! Его телефон! Почему мне пришло в голову, что он может записывать свою и мою речь? Да все равно! В сумочку! Дальше видно будет, что с ним делать.

Ах, да! Ты, сволочь, ответишь мне за все мои мучения! Быстро выдвинула ящик комода. Вот, он, его портмоне, – так откроем.

Ого! Вот это пачка денег! Некогда рассматривать – в сумочку!

Теперь самое главное – запах! Надо сбить с толку собаку!

Спасибо бабе Лизе! Она перед смертью позвала меня и заставила взять многое из её запасов. Вот оттуда в банку с узким горлышком я насыпала едкого перца и порошка горчицы. Смесь получилась убойной! После основательной встряски моей склянки вздумала я осторожно понюхать дьявольский порошок. Полчаса чихала и плакала!

Надела медицинскую повязку и аккуратно стала рассеивать смесь. Диван, стул и легкое облачко на пол. Надела свою куртку, и сюда насыплем! На стене осталось слабое красно-желтое пятно. Так, теперь свои туфельки в сумочку; не входят, да и пусть торчат сверху!

Ага, вот его резиновые сапоги, правда, немного великоватые, ничего – не выпрыгну! Щелчок выключателя, и снова слабое облачко перца на полкоридора! Минут пять я стояла у калитки, чутко прислушиваясь к звукам села. Тихо. Ничего подозрительного.

Смеси перца и горчицы мне хватило до ручья. Сапоги слабо чавкали в жидкой грязи. Хорошо, что наш ручей впадал в речку неподалеку!

Почти час я брела берегом, пробираясь вверх по течению, там полевая дорога подходила близко к реке. На одном из перекатов я швырнула в воду вилку, ложку. Туда же полетел и фужер. Симку с телефона – пополам, следом за ней и сам телефон скрылся в ночной воде.

А вот и крутой бережок, сверху – дорога. Крупная галька захрустела у меня под ногами. Стянула один сапог, даже не стала выливать из него хлюпающую воду. Подхватила крупный булыжник, затолкала внутрь. Туда же ещё парочку. Швырнула на середину реки. Течение подхватило сапог, ставший торчком, и унесло вниз. Через минуту туда же последовал и второй.

Придя домой, долго стояла на крыльце, пытаюсь что-либо разглядеть или услышать в ночной темноте. Ничего, все тихо.

Меня колотила крупная дрожь, еле-еле утихомирила её стаканом крепкого чая.

Дома рассмотрела свой трофей – портмоне Виктора. Денег было много – сорок пять тысяч! Может, кто-то усмехнется столь малой для него сумме, а мне за них работать четыре месяца! С фотографии на паспорте последний раз на меня взглянул насильник. Так – в гудящую ярким пламенем печь его! Корежься, тварь, там!

А это что? Банковская карточка?! Да что от неё толку, без кода? Хотя интересно знать, сколько на ней денег? Ладно, пусть пока полежит на краешке стола!

Письма. От какой-то девушки, одно с казенным штемпелем. Постой, это же письмо с кодом от банковской карточки! Вот это удача! Чего это я радуюсь, словно грабитель, урвавший солидный куш?

Да и пусть его! Имею я право на моральную компенсацию после того, что он сотворил со мной?

Так, все лишнее – в печь! Оставим карточку и письмо с кодом.

Поворошила сгорающие листочки, разбила кочергой съезжившиеся клочки кожи от портмоне, и – спать! Утро вечера, как говорится, светлее!

Утро и вправду выдалось не по-осеннему ярким да теплым. Бабье лето шагнуло на порог.

Мои вчерашние страхи немного поулеглись, но холодком скользнула в душе тоска разоблачения. Да пусть попробуют найти меня! Да потом доказать, что это я сделала! Даже в мыслях я не допускала слова «убила». Хорошо, что я не брала выходной, легче будет разжалобить хозяйку. Она сама, едва увидев мое лицо, встревожилась.

– Да зуб проклятуший всю ночь спать не давал! Елена Михайловна, дайте выходной, поезду в город, не знаю, что с ним делать!

– Поезжай, Машенька, поезжай! Если раньше приедешь, подмени меня вечером!

– Хорошо, Елена Михайловна! Думаю, на трехчасовой автобус успею.

Наш областной центр встречал меня всегда неприветливо. Может, это мне просто казалось? Учеба в училище? Да, все эти годы прошли впроголодь. Мне казалось, что чопорно-надменный город всегда свысока смотрел на меня. А вот сегодня он был приветлив и даже ласков со мной! Может, потому что в моем кармане была немалая сумма денег? Через два часа я выходила из салона другой девушкой. Макияж, прическа, накладные ногти сделали меня просто красавицей! Продавцы магазина модной одежды с недоверием оглядели мою простенькую одежду. Но когда я, открыв кошелек, вынула оттуда тридцать тысяч и попросила помочь мне подобрать хорошую одежду, они разом засуетились. Легко согласились на оплату карточкой. Я ввела код и требуемую сумму, с некоторым волнением ожидая, что платеж не пройдет. Но нет, все хорошо. Уже выйдя из магазина, я заметила банкомат и решила все-таки снять немного денег. Ввела небольшую сумму и потом, отойдя на приличное расстояние, посмотрела чек. Ноги стали ватными – два миллиона четыреста тысяч! Нет, там была чуть большая сумма, но это мало меня волновало! Думала ли я, что рискую через карточку быть разоблаченной? Нет! Меня это абсолютно не заботило! На карточке, да и на конверте с кодом, стояла совсем другая фамилия и имя! Мой сосед хранил деньги другого человека!

Я уверенно толкнула двери банка. Молоденькая сотрудница, внимательно выслушав меня, перевела деньги моего «брата» на депозит. Да ещё и пообещала через год подыскать неплохой вариант квартиры.

В стоматологической клинике поставить пломбу взамен выпавшей было делом получаса, и я уже к полудню была дома. Точнее, не дома, а в магазине.

– Машенька, да ты у нас просто красавица! – изумилась моя хозяйка. – И прическа, и макияж так тебе к лицу!

– Спасибо, Елена Михайловна! Это я к свиданию готовилась! Сергей Дмитриевич в клуб пригласил! – «Это ты не видела меня в новом платье!» Не собиралась я попадать под перекрестные сплетни сельских кумушек, поэтому и переделалась в свое.

– Как я рада за тебя! Только ты поспеши домой, там тебя следователь спрашивал!

– Какой следователь? – Сердце мое сжалось от холода.

– Ой, да ты не знаешь всех наших новостей! Соседа твоего, ну внука бабы Лизы, нашли убитым прямо в постели! Говорят – убийца его проткнул его вот таким ножом! – И хозяйка магазина развела руки чуть ли не на полметра.

Домой я шла, ощущая спиной опасность. У дома соседа толпились любопытные односельчане.

– Ты где была, Машка? Тут такие дела! Просто ужас! Витьку, внука бабы Лизы, ножом так пырнули, прямо сердце пополам! Говорят, ограбление! Но это не все! Он тут наркотики продавал!

– И не продавал, а готовил их к продаже, вон участковый всех наших алкашей распроесами достал – кто к нему ходил да за чем!

– Мария! Ты где пропадала? Мы тебя обыскались! – Наш участковый выскочил на крыльцо. – С тобою следователь хочет поговорить! Ты иди домой, мы сейчас подойдем.

Следователь оказался довольно молодым человеком. Он с нескрываемым любопытством оглядел мою простенькую обстановку и спросил разрешения сесть за стол.

– Может, чаю? – предложила я.

– Нет. Времени у нас мало. Я опрошу вас, а затем ваш участковый заполнит начало протокола и принесет вам на подпись. Дело серьезное, мы не только расследуем убийство человека, но еще и обнаружили в его доме тайник с наркотиками. Итак, Мария, – он заглянул в блокнотик, – Кондратьевна, вчера была ваша смена в магазине?

Я молча кивнула головой.

– Видели ли вы своего соседа, когда и при каких обстоятельствах?

– Конечно, видела! Он пришел ко мне в магазин, было это ближе к полудню. Купил коньяк, бутылку водки, две шоколадки, консервы, по-моему, горбушу в масле, и конфеты. Шоколадные, дорогие! Рассчитался пятитысячной, я ему сдачи дала. Он и ушел. Да, ещё блок сигарет купил, вышел, закурил.

– Больше вы его не видели?

– Нет, больше не видела, но слышала!

– Где, когда? – насторожился следователь.

– Так тогда, когда шла домой! Магазин я закрываю в десять. Муж хозяйки дежурит вечером, мало ли что, меня могут и ограбить! Так вот он пришел, помог закрыть, я и пошла домой. Прохожу мимо дома бабы Лизы...

– Чьего, простите, дома?

– Да дома Виктора Вихорева! – поправил меня участковый. – Тут всякий больше его бабушку знает. Добрейшей души была человек!

– Так, значит, и запишем, – следователь торопливо водил ручкой, – дома гражданина Вихорева. Дальше что?

– А у него в зале окна светятся, обычно на кухне одно окно горит, это когда я уже к себе в переулочек заворачиваю, то вижу. А тут в зале! И два голоса, один, значит, соседа моего, он такой прокуренный, с хрипотцой, а другой такой противный голос. И так они меж собой громко: бу-бу-бу, а что говорят? За стеклами не разобрать! Вроде как спорят или ругаются!

– Так их двое было? Может, больше?

– Нет, точно двое было! Два голоса! Я хоть и испугалась, а пока шла, ничьих голосов больше не разобрала!

– А что говорили? Хоть одно слово разобрать смогли? – Следователь насторожился, словно кот, почуявший добычу.

– Нет, стекла только звуки пропускали! Но, голоса точно мужские, и вроде как они спорили о чем-то или делили чего-то!

– Так, а когда это было? Точнее по времени сказать не можете?

– Почему не сказать? Скажу... Я хоть и не смотрела на часы, да только закрыли мы магазин ровно в десять. От него до дома этого, внука бабы Лизы, я дохожу за восемь минут, ну если не торопиться – то за десять! Вот это и было время, когда я слышала их голоса.

– Значит, минут десять, пятнадцать одиннадцатого! А смерть Вихорева наступила между десятью и одиннадцатью часами!

– Да ссорились они, Игорь Данилович! Ссорились! Вот оттого и громко разговаривали!

– Так, а больше вы ничего странного не заметили? Может, машина во дворе была или потом подъехала?

– Нет, не заметила. Если бы машина во дворе была, так я бы увидела. Когда мимо идешь, то через щели ворот стекла машины блестят!

– А ты, Марья Кондратьевна, глазастая! Ну а позднее ничего в доме соседа не видели?
– Так я как домой пришла, чаю попила и сразу спать! Если бы печь топилась, так припозднилась бы! А так дни-то вон какие теплые, лето прямо! Набегаешься в магазине, ног не чувствуешь.
– Ну а утром, когда снова в магазин шла, ничего подозрительного в доме соседа не заметили?

– Да вроде нет... Дом, как дом... как всегда – тихо. Он спать ложился всегда поздно.

– А к тебе, Мария, он не приставал? – Участковый подошел к окну и, отодвинув шторку, осматривал огород.

– Да нет. В магазине иногда так зыркает, прямо как сквозь тебя! А пять дней назад так картошку мне почти всю выкопал! Чудно так – я его не просила, а он выкопал! И главное – ничего не сказал! Я даже спасибо ему не успела сказать, говорят: его убили... Жалко!

– Жалко?! Тебе жалко Вихоря?! – Участковый резко развернулся ко мне. – Да на нем три изнасилования и одно убийство! Будь моя воля, я бы тому, кто его черное сердце ножичком пощекотал, орден бы дал! От такой мрази землю очистил!

– Не забывайтесь, Андрей Андреевич! – Следователь встал. – Мы прежде всего слуги закона!

– А я поддерживаю Андрея Андреевича! Наш участковый Афган прошел, ранен и ордена боевые имеет! А этот, – я махнула рукой в сторону соседнего дома, – убийца и наркотой людей отравлял!

– Ладно вам! Заслугами, как знаменами, зря не машут! Вы вот что, Мария Кондратьевна, если что заметите, хоть какой звук, хоть какое-нибудь движение во дворе у соседа, сразу звоните вот по этому телефону! – И протянул мне визитку.

На завтра, едва я успела открыть магазин, как появилась Ольга Никифорова и, сделав круглые глаза, затараторила:

– Ой, Машка! Что расскажу тебе! Что расскажу! Значит, так: разговаривают наш участковый и этот, следователь, что из области приехал, неспроста он тут наших мужиков все выпрашивал! Нашли они у этого, Вихора, они твоего соседа все по кличке называли, нашли пять пакетов белого порошка! Героин, говорят! Послали на экспертизу.

Внук бабы Лизы оказался этим самым, ну кто расфасовывает наркоту по пакетикам и потом их увозит в город! А что? У нас тихо, соседи у него далеко! Так вот, они тебя упоминали: ты слыхала, как они там разговаривали, так вот они и порешили, что этот гость и убил твоего соседа! Ужас-то какой! Удар ножом был, говорят, профессиональный, прямо в сердце! А бригада следственная, знаешь, почему быстро уехала? Убийца хитрый да опытный! Он каким-то едким порошком все засыпал! Собака как зашла, так сразу зачихала, лапами нос затеребила! Этот, что с собакой, её вывел и говорит: «Не будет работать! Едкий порошок, она неделю теперь ничего чувствовать не будет!» Они решили, что ушел речкой, на берегу следы сапог остались, переобулся и ушел вниз. А там до большака семь километров, и ищи свищи ветра в поле! Денег в доме не нашли, и документов убитого тоже нет! А ещё что скажу тебе по секрету. – Ольга придвинулась ко мне и шепотом сообщила: – Они этим самым занимались! Ну, ты понимаешь?!

Я в недоумении помотала головой.

– Ну, этим самым! – Она сложила ладонь в кулак и похлопала другой сверху. – Голубые они, ну пидорасы по-нашему!

– Не может быть! – изумилась я.

– Может! Ещё как может! Там и упаковка презервативов была, и один пакетик надорванный, а то, что было внутри, так и они его не нашли! Ну, это значит – резинку использовали, и убийца унес её с собой! Андрей Андреевич так и сказал: «Матерый волчище! Следов никаких не оставил! Все отпечатки стер, презерватив с собой унес. Да и удар ножом не простой! Нас когда натаскивали в Афгане холодным оружием владеть, так инструктор показывал, как держать лезвие. Нож вошел точно между мышц. Если бы поперек, то он бы тело не пробил,

волокна мышц резать надо было бы! А так скользнул между ними, и сердце насквозь! Ужас-то какой!» И ты знаешь, Машка, следовательно этот с ним согласился: «Глухарь, говорит, будет!»

– Ой, а ты что, прическу сделала?! – Только тут она заметила моё посещение салона.

– А что, не идет мне?

– Ещё как идет! Ты просто красавица! Давай не тяни с замужеством, годы молодые пройдут, никто не возьмет! Ну ладно, я побежала! Если будут какие новости в обед, забегу, расскажу!

Приключение в поезде

Сложилось все довольно удачно. Тетушка моя, которой я обязан счастливым детством, прислала телеграмму, приглашая в гости. Мои родители – геологи, вечно кочевавшие по просторам нашей необъятной родины, всегда оставляли меня на попечение и воспитание моей тети. Решила она отпраздновать свое шестидесятилетие. Её телеграмма застала меня врасплох. Жила она под Владивостоком, дорога туда и обратно стоила прилично, плюс подарок, плюс разные расходы. Если учесть, что зарплата состоялась три дня назад и была потрачена в значительной своей части, то перспектива поездки с минимумом средств повергала меня в озабоченное состояние. Но вмешался его величество случай. Шеф нашей редакции, где я работал корреспондентом, выслушав меня, просиял лицом.

– Я думаю, кого мне послать во Владивосток, а вот он! Понимаешь (слово это все теперь произносили, подражая президенту того времени – «Па-а-нима-а-ашь»), па-а-нима-а-ашь, тут разговор у меня в машине состоялся с моим шофером, пока стояли в пробке, он умудрился сбежать в магазин, купить крабовых палочек. Так вот он уверяет меня, что эти самые палочки делают из крабов! Ты сгоняй во Владик, сделай статью о краболовах, фотографий парочку хороших, ну и все такое! Командировочные получишь и билеты на поезд, на самолет не пустит бухгалтерия.

Признаться надо – к поездке поездом у меня был свой интерес. Ради пробы пера написал я несколько сценариев для кинофильмов. Сразу так вот в десятку не попал, но после первого сценария меня взяли в творческую группу. Хотя от предыдущего текста осталось процентов тридцать, имя мое попало в титры кинофильма. Правда, его можно было увидеть, внимательно просмотрев эти самые титры, в пятый раз, но на обложке дисков DVD моя фамилия красовалась третьей.

Задумал я сценарий о непростой жизни таежных людей, решил все это переплести с икорной да крабовой мафией, сдобрить любовью и для остроты, так сказать, – «перчика» сценария, парочку убийств на фоне валюты, долларов, евро или иен. Такой сценарий хорошо проходил через мозги режиссеров да радовал продюсеров малыми расходами.

Тетя до выхода на пенсию работала в бухгалтерии какого-то рыбного треста, знала всю подноготную добычи рыбопродуктов да и по старым связям могла связать с нужными людьми. Не стану утомлять вас рассказом о суете оформления разных проездных документов, о самом отъезде, прошедшем после дружеской попойки в маленьком ресторанчике, скажу только, что поезд катился по рельсам до края нашей страны тринадцать суток. Времени вволю выспаться, привести свои мысли в порядок вполне хватило.

За столиком в купе я написал почти все детали своего будущего сценария. Проработал наиболее интересные моменты, осталось добавить для правдоподобия некоторые факты да переделанные на свой лад имена героев.

Время, проведенное в тетушкином доме, прошло с максимальной пользой. Познакомила она меня с парочкой интересных людей, связаны были они с определенными кругами, как у нас принято говорить, – полутеневого бизнеса. Подкинули эти люди мне материала не на один репортаж да сценарий. Хорошенько поработай мозгами да клавиатурой компьютера, роман получится!

Если не считать тоски по случаю расставания с моей любимой тетушкой, которую в детстве, частенько ошибаясь, называл мамой, настроение, с которым я расположился в купе, было прекрасным. Тетушка, прожужжав всем уши о своем знаменитом племяннике-писателе, сослужила мне неплохую службу. Друзья её не только снабдили увесистым тюком морских деликатесов, но с широтой разгулявшейся пиратской души закупили для меня все купе! Работать над своим сценарием мог я, не отвлекаясь, сутками. Проводницы, предупрежденные толпой про-

вожающих «московского писателя», обходились со мной с трепетом жреца перед священной реликвией. А вкусная копченая рыба, презентованная им в знак внимания, обеспечила мне бесперебойную поставку свежего чая.

Двое суток стучал я по клавишам ноутбука без всяких помех. Но после того как поезд, дернувшись, отошел от станции с чисто сибирским названием «Листвянка», в мое купе тихонько постучались. Проводница Верочка, извинившись за беспокойство, попросила меня приютить на одну ночь пассажирку, та ехала куда-то на юго-восток Сибири. Вначале её просьба слегка покорибила мое самолюбие, как же так, купе все мое, но пока я придумывал способ, как проще отказать, сохранив при этом свое и чужое самолюбие, что-то подсказало мне лучше уступить и приютить на одну ночь человека. Червячок любопытства, засевший в каждом журнальце, требовал пищи общения, требовал новой информации. Новый человек всегда любопытен любому из пишущей братии. Пассажир оказался женщиной лет 35—40, невысокого роста, но слаженных пропорций.

– Клавдия, можно просто Клава, – представилась она, ища глазами, куда примостить свой чемодан, перетянутый двумя ремнями зеленого цвета. Пожав протянутую руку, я удивился крепости и мужской хваткости её ладони.

– Девчонки-проводницы говорят мне, всё купе занял московский писатель, если не пустит, будем ехать втроем, в купе проводниц, спать по очереди.

Пока прилаживал я чемодан под нижнюю полку, она успела снять толстый самосвязанный свитер из овечьей шерсти серого цвета и осталась в платье, которое выгодно подчеркивало её крупную грудь.

– Да какой я писатель, так, несколько сценариев для фильмов, журналист больше.

– А я вам чаю принесла. – Верочка светилась от радости за пристроенную пассажирку.

Поблагодарив проводницу, предложил я своей попутчице немного коньяку в чай.

– Нет, если пить, то отдельно от чая и лучше водку.

Жест, которым она быстро огладила свою талию, показался мне странно знакомым.

– Тогда давайте коньячку выпьем, водочку купим на ближайшей станции, поезд там стоит минут двадцать, – нашелся я.

– Хорошо! – все-таки вела она себя как-то просто и уверенно.

Коньяк выпила залпом за пару глотков.

– Спасибо, – поблагодарила она, одобрительно оглядывая предложенную закуску, – когда будем проезжать Забайкальск, купим копченого омуля, я всегда там покупаю, вкуснейшая рыбка!

– И часто приходилось вот так поездом путешествовать?

– Да почти каждый год, служба моя под Магаданом, в отпуск в теплые края манит, отгреться, фруктов вволю поесть, у нас на Северах ни солнышка вволю, ни тепла!

Вот что меня настораживало в её жестах, они похожи были на жест нашего армейского старшины, когда он поправлял гимнастерку под ремнем.

– Связистка, наверное, или санчасть? – Профессиональная привычка накапливать информацию направляла разговор в нужное русло.

– Нет, надзиратель в женской колонии, на жаргоне зеков – вертухай.

Моя информационная привычка сразу сделала стойку, как сибирская лайка, увидевшая белку. Узнать почти изнутри тюремные нравы и быт – это ж клад для любого писателя!

– Что-то ты как будто насторожился, эту работу кто-то должен делать? Да и к тому же ранняя пенсия, у нас северные надбавки, год службы идет за полтора!

– Так вы отслужили?

– Давай не будем на «вы», у нас так – если выпили вместе, то на «ты», а потом дембель у меня, отслужила, оттянула ляжку вчистую!

«Сколько же тебе лет, голубушка», – начал я прикидывать в уме возраст своей попутчицы.

– Да не считай, служить надо двадцать пять лет, год идет за полтора, так что провела я за колючкой почти семнадцать лет!

Да она еще и мысли угадывает! Наверное, изумление все-таки читалось на моем лице.

– Я таких людей повидала, охраняла, знаю, что они думают или скрывают, вот ты, наверное, просчитываешь мой возраст? Или одногодки, или ты чуть младше меня!

– Мне тридцать семь, – начал я приходить в себя после изумления.

– А мне тридцать шесть!

«Наверное, мороз действует так на организм», – подумал я, мне она показалась моложе.

– Работа меня не напрягала сильно, в отпуск за два года один раз получалось съездить, а вот теперь домой насовсем, убываю.

Привычка говорить по-военному была у нее, что называется, в крови.

– Купила я недалеко от Новосибирска домик, там в поселке родня живет, вот и у меня есть дом, если можно так назвать!

– Семья уже там живет?

– С семьей как-то не получилось. Мужа подходящего не нашла, за кого попало замуж не хотелось, службу, думала, отслужу и устроюсь. А ты почему не женат?

– «Определенно мысли читает, прямо Вольф Мессинг в юбке». – Изумление все-таки читалось на моем лице.

– Кольца на руке нет, следа от него тоже не видно, командировочные либо снимают, либо не берут в командировку. Получается, ты не женат или в разводе, – пояснила она.

– Здорово, я подумал, мысли читаешь, – восхитился я столь простому объяснению.

– Читать не читаю, а просчитать можно, вот ты как писатель любопытен должен быть, что да как, узнаешь – в книжечку тиснешь или куда-то в статью пристроишь. В дороге скучно одному, а здесь встреча с человеком, завтра расстались и навсегда. Можно пооткровенничать. Меня мои зэчки выучили, за базар нужно отвечать, а взялся делать, будь добра, выполни до конца!

– Давай еще по одной, – она сама разлила коньяк в стаканы, – разговор веселей пойдет, а то станция скоро.

Выпили.

Я прислушивался к теплоте, разливающейся по телу. Нет, она определенно хороша, вот только замашки надзирательские, самостоятельные и решительные.

– Все думаю, почему надзирателей вертухаями зовут?

Раз уж пропала работа на эти сутки, так узнаю о ней как можно больше.

– Сначала вертухаями звали не всех, а только тех, кто дежурит на вышке, – вышкарей, они были опасны для заключенных. Видно им далеко, ночью прожектором вертит, сам по площадке ходит – вращается, вот отсюда и погоняло такое.

– А что, в женских колониях блатной жаргон такой же, как и на мужской зоне?

Кажется, я тоже перешел на лагерные термины!

– Да один перец, только на женской зоне не такой приблатненный, но злее, жестче!

Нельзя баб загонять за колючку, противозестественно это, дом, семья, дети, вот где должна царствовать женщина! Там есть такие сиделицы, пуля по ним плачет, не на одной мокрухе замешаны, да ещё детей гробили, такие на зоне не в почете, любая зэчка обидит, и ей с рук это сойдет!

Поезд стал замедлять ход возле станционных построек. Наш вагон остановился возле здания вокзала.

– Пойду в буфет, сделаю покупки, – собрался я на выход.

– Подожди, возьми деньги, купим пополам, – остановила она меня.

– Зачем? У меня есть. – Я с недоумением посмотрел на неё.

– Ну, мне тоже обязанной перед тобой незачем быть! Или ты надумал за мной поухаживать?

– Давай я куплю, а потом разберемся, кто кому и сколько должен, – слегка смутился я. Признаюсь, мысль о необременительном флирте, так сказать, о дорожном приключении, мелькнула у меня во время нашей беседы.

– «Вот ведьма, все знает», – размышлял я, шагая к буфету.

Один коньяк, пару литров водки.

– «Вдруг пьет, не свалить с одного, запас всегда пригодится, в вагоне-ресторане дороже», – просчитывал я свои покупки.

Консервы, сладости, сдачу в ладонь и назад в вагон. Моей попутчицы в купе не было, только серый свитер лежал на своем месте, указывая, что хозяйка скоро вернется. Через окно увидел, как она покупала в киоске сигареты.

– «Не догадался взять ей сам, люди такого круга курят, да и пить умеют крепко, интересно, в сексе она тоже должна понимать толк», – расслабился я в мыслях.

Сильно обиженный женским вниманием я не был. В юности женился на довольно красивой особе, но, как говорят в народе, – оказалась она столь «слабой на передок», что к концу года носил я ветвистые рога. Поняв, что никакого кальция для дальнейшей совместной жизни не хватит, мы мирно разошлись, благо детей не завели. Бестолково и беспутно погибла она в каком-то кабаке, и по-человечески жаль мне ее, когда нахлынут воспоминания.

Во Владивостоке на теткиной вечеринке взяла меня в оборот одна из приглашенных дамочек, грозила мне тетка пальчиком, а толку?

Дамочка задернула меня в какой-то кабинет, после мне объяснили, что он для таких случаев, и оторвалась со мной по полной. Казалось бы, срубила сама московского мужичка, пользуйся. Нет, передала меня как эстафетную палочку подружке, та крутила попочкой передо мной на другой день, навестив мою тетю. Как истинный джентльмен проводил я её до дому. Вцепилась она в мой рукав и потащила в квартиру показывать китайский фарфор. «Китайский фарфор» оказался упакованный в бюстгальтер второго размера. Рассматривали мы его часа три. Ещё трое знакомых моей новой знакомой в оставшееся до отъезда время показывали ковры, хрусталь, хвастались хорошими книгами. Пока, наконец, моя тетя не обратилась ко мне с пламенной речью:

– Вольдемар, – отчитывая меня, она переделывала мое имя на свой лад, – Вольдемар, прекрати кобелировать, эти дамочки растащат тебя на сувениры. Их мужья в плавании, так они клуб организовали, передают мужичка с рук на руки. А ты лакомый кусочек, уехал, и нет проблем, сплетен не будет, да и мужьям в случае чего не достать!»

Тетю я послушал и прекратил осматривать всякие коллекции только за два дня до отъезда, когда рассмотрел у одной обделенной мужской лаской особы собрание дисков, а у другой марок. Так что мое мужское естество сильно не буйнило, но, почуяв добычу, встрепенулось.

Поезд, дернувшись, плавно стал набирать ход. Попутчица вошла в купе минут через пять, когда колеса мерно отстукивали свой ритм.

– Купила семечек, всегда скучаю по ним, – она простенько улыбнулась мне. – А ты чего задержался так долго?

– Очередь в буфете, такая водка подойдет? – Я развернул пакет.

– Хорошее качество. – Она совсем не удивилась моему запасу.

– Я в киоске картишки прикупила, ты играешь? – выложила она колоду на стол.

– На деньги принципиально нет, а для развлечения, да времяпрепровождения отчего бы не сыграть?

– Проигрывался, что ли?

– Просто деньги нужно заработать, тогда они не твои гости, а твои друзья, ими дорожишь!

– Мудрено ты рассуждаешь! У нас, на зоне, другая поговорка: «Хочешь жить – верти умелкой!» – За разговором она открыла банку с маринованными огурчиками, нарезала хлеб, колбасу, все не по-городскому, тонкими ломтиками, а солидными кусками, взял, нескоро за другим потянешься. Нравилась мне в ней вот эта основательность поступков, умение жить не торопясь.

– Слушай, почему ты говоришь «у нас на зоне», ты ведь не была в заключении?

– Да один компот, только из разной посуды: они по ту сторону колючки, а мы по эту. Их приговорили срок мотать, а мы сами себя приговорили. У них по зоне километр вправо, километр влево, у нас по поселку такая же дистанция. Власти у нас чуть более, так и мы перед отцами командирами в струнку тянемся. Срок у нас – любая рецидивистка ахнет!

Легкая тень пробежала по её лицу.

Она просмотрела стаканы на свет, крутанула колпачок бутылки, наполнила стаканы водкой.

– Давай по-нашему, сегодня есть, завтра не будет, за прошлое наше, ушло и пусть катится!

Я отпил пару глотков, водка жгла язык, сушила гортань.

– Э, да ты совсем пить не умеешь!

Моя попутчица не спеша выпила жгучий напиток да дна, похрустела огурчиком, заела ломтиком колбасы и после всей этой процедуры понюхала корочку хлеба.

– Спирт злее идет, давали нам в мороз по пятьдесят граммов, когда вахту стоишь. Да толку от него мало, морозище за сорок, а то и выше, полушубок не спасает, через десять минут уже не помнишь, что и выпил. Свое отстоишь – в вахтовку, девки чифирю поднесут да спирт разбавленный, отходишь – хорошо! Я крепким чайком не особо баловалась. Подруги, бывало, дурели. Раскумарит какую – все выболтает. Давай помогу тебе, – она разлила остаток водки из моего стакана, – ты не думай, я не алкашка какая. Вот это выпью, и все. Поговорим, в карты перебросимся. Ехать еще далеко, суток трое, если не выгонишь, допьем не торопясь.

– Не выгоню. Но с условием, на мои расспросы не обижаться!

– Понимаю. Профессиональное любопытство! Считаю, договорились.

Карты она тасовала быстро, как бы ощупывая при броске каждую кончиками пальцев. Первую игру я выиграл.

– А давай на интерес, раз не хочешь на деньги! – Я лукаво подмигнул ей.

– Да знаю я ваши мужичьи «интересы», либо на поцелуи, либо на раздевание!

– Тогда придумай сама, свои интересы выставляй на кон.

– Зачем выдумывать новое, давай на раздевание и на поцелуи, только выигравший сам назначает, что снять и куда поцеловать, и время поцелуя тоже за сорвавшим банк!

«Нормальные условия!» – подумал я.

– Хорошо, согласен на твое предложение, но после десяти игр перерыв.

– Лады, считай, договорились!

Карты в эту игру как взбесились! Проигрался я вчистую. Вроде всегда умел играть, а тут с двумя козырями на руках остался в «дураках».

Попутчица моя, мысленно я звал её Клавочка, не спеша подняла свитер и пальчиком указала на свой чуть-чуть выпуклый животик:

– Вот сюда целуй, пять минут!

«Вот чертовка, придется облизывать её живот!» – не хотелось мне выполнять каприз подвыпившей бабенки. Странно, живот её имел запах здорового, с каким-то приятным, «сенным» ароматом женского тела. Я стал покрывать мелкими поцелуями назначенную для меня область поцелуев.

– Чего ты, как щенок, мокрым носом возишь?

Моя попутчица сделала мне замечание, недовольная моими поцелуями.

– Научи, как тебе будет приятно, а не предъявляй претензии!

Я тоже не полез за словом в карман.

Она небрежно толкнула меня на застланную одеялом вагонную полку. Быстро выдернула рубашку, заправленную в брюки, и оставила на моем пупке горячий влажный поцелуй. Потом погладила щекочущими движениями языка место поцелуя и перенесла эту приятную процедуру чуть-чуть ниже. Я стал «заводиться».

– Э, погоди, миленький, кто из нас проигрался? Давай, работай!

Она откинулась на подушку. Наверно, я оказался прилежным учеником, в конце отработки своей провинности она стала слегка постанывать. Но когда я перенес свои поцелуи поближе к низу живота, слегка оттолкнула меня.

– Давай играй, может, повезет тебе, тогда будешь «тащиться» вместо меня!

Её жаргон уже не так коробил меня. Проиграть при трех дамах и козырной десятке против двух её валетов и девяток, конечно, с козырями, это надо умудриться! Утешало одно – не знал я её карт.

– Снимай рубашку и целуй вот сюда. – Место было назначено выше её упругой груди.

Не торопясь сняла она свитер и, чуть прогнувшись, подставила грудь, спрятанную в ажурно-аккуратный бюстгальтер. Ох, и люблю я снимать такие кружевные тряпочки! Но не позволено пока условиями игры. В азарте поцелуев погладил я было рукой её грудь, приятно ощутив набухшие «пуговички» сосков, но получил легкий шлепок по рукам.

«Умеет бабеч держат мужика на дистанции», – мелькнула мысль. Что-то подсказывало мне, что сегодня у меня будет нехилый секс.

«Отработав» свое, сосредоточился на розданных картах. Этот кон игры был мой! Выдав полный набор королей, я небрежно бросил ей двух шестерок на «погоны».

– Ты так хорошо целовала мой животик, вот тебе новое задание, – показал ладонью на низ живота.

Без тени смущения она расстегнула брючный ремень, дернула виз молнию брюк и, слегка приспустив плавки, принялась целовать низ моего живота, доходя горячими губами до волос на лобке. Мой член взбунтовался и, окончательно проснувшись, стал рваться в бой. Слегка прогнувшись, я опустил плавки пониже, отчего член, пружинно распрямившись, ударился о её щеку. Взяв голову своей попутчицы в руки, я направил её рот к головке члена. Резкая боль заставила меня замереть без движения. Надзирательница жестко и уверенно сжала ладонью мои яйца.

– Послушай, ты, «журналаюга», лучше не торопи события, надо будет, я отполирую твой х...й по первому разряду! Да и не привыкла я делать это первой, всегда мне выглаживали языком! Сдавай карты, игрок!

Еще минут пять медленно отпускала меня тупая боль. Следующая партия игры мною была бездарно проиграна. Партнерша медленно встала, выключила верхний свет, оставив только один плафон в изголовье полки, не спеша, с вызовом глядя на меня, сняла с себя трусики.

– Давай, займись делом, – бесцеремонно похлопала ладонью себе между ног.

Не скрою, раньше имел я опыт по части доставки такого удовольствия женщинам. Сейчас примешивалась обида карточного поражения.

«Карточный долг – превыше всего», – вспомнилась некстати фраза из какого-то фильма про гусар.

Я не спеша, мелкими поцелуями, прошелся по её внутренней части бедра, приближаясь к ложбине между ног.

«Молодец бабенка, заранее готовилась тащиться от удовольствия, успела чистоту навесть, да и запах какого-то парфюма обеспечила, опытная в делах секса, стерва!»

– Хватит елозить где попало. – Она подтянула мою голову к нужному месту.

«Ну, держись, задам я тебе жару!»

Минут десять я мозолил свой язык об её клитор. Стонала она и охала с чувством наслаждения, а не металась в показной страсти. Я быстро переместился выше, когда она потянула ладонями мою голову вверх. Член мой, который к тому времени больше ощущался как рог молодого быка, гладко и уверенно вошел в её влагалище.

«Хорошо, что во Владивостоке бабенки меня разрядили, а то бы кончил сразу после такой трепки!» – двигая бедрами, подумал я.

Партнерша сильными движениями навстречу помогала мне, задавая темп. Момент экстаза застал её чуть раньше, чем успел «взорваться» я.

– Не уходи! – попросила она, когда мой член перестал трепыхаться, сливая в неё горячую жидкость.

– Получила все как хотела, а ты не обижайся, мы вместе ещё трое суток будем ехать, я доставлю тебе удовольствие! Понимаешь, на зоне нет настоящих мужиков, ну пошоркать кое-как всегда найдется парочка, а вот так довести, чтобы душа зазвенела как струна, этого не дождешься! А ласки ох как хочется! Приходилось выбирать зэчек себе по вкусу, ну женщина знает, как женщине лучше доставить удовольствие, вот «лебсом» и занимались! А ты ничего, с понятием, я думала, откажешься меня так ласкать. – Она легонько, с нежностью поцеловала меня.

– Да ладно, – смутился я, – мне тоже понравилась эта процедура, – немного соврал я. Конечно, как и большинство мужчин, я предпочел, чтобы мне как следует отгладили член, а не я вылизывал некоторые места. Нет, после того как тебя заведут, отчего бы и нет?

Постепенно мой аппарат терял свою былую твердость, но странное дело, её влагалище сжимало его сильнее, как бы не желая выпускать.

– Все, все, ты устал, давай иди в туалет, я вторая, после тебя.

Она слегка оттолкнула меня.

– Возьми вот гигиеническую салфетку, – подала мне какой-то не то матерчатый, не то бумажный пакет.

Приводя в туалете себя в порядок, понял я причину её чистоты. Салфетка была пропитана каким-то ароматическим спиртом и начисто вытирала тело.

Выпили мы с ней после ещё немного водки и как ни пробовали улечься на одной полке, а пришлось из-за тесноты разойтись по разным местам.

Проснулся я от нежного прикосновения языка к головке моего члена. Подружка моя, словно кошечка, ласкала мой аппарат. Тот, разнежившись, не торопился принять нужную твердость, за которую я так всегда его хвалил. И только когда она взяла его в рот и как следует не отсосала, я почувствовал сильное желание. Я встал, развернул её к себе попочкой, и когда она нагнулась, опираясь руками на столик, медленно, но уверенно вставил его в нужное место. Вы пробовали окончательно стряхнуть остатки сна с помощью секса? Классная вещь, скажу вам!

В такой позе никто из партнеров не ограничивает действий друг друга. Знай держи свою даму за бедра покрепче, «чтобы не сорвалась», как говорил мой друг, и наслаждайся плавным скольжением своего бодрого дружка! Минут двадцать делали мы такую утреннюю гимнастику. Если говорить о моем литературном творчестве, то день не удался, сексуальный выпал мне день. После того как мы проделали все виды зарядки в пятый раз, она, ласково потрепав меня по щеке, сказала:

– Давай отдохни, я похлопочу покормить тебя, сил тебе еще ох как много надо!

За следующие два дня я вспомнил всю Камасутру. Такого сексуального марафона у меня еще не было.

На её станции поезд стоял двадцать минут. Женщина всегда останется женщиной, даже если она служила в армии.

– Знаешь, мой миленький, если я буду от тебя беременной, то рожу обязательно!

Вот черт! Такой поворот событий меня не обрадовал.

– Чего ты хмурый стал? Словно тучка набежала на твое лицо? А ты как хотел? В деревне этой, где мне жить, мужичков раз-два и обчелся, а мне ребеночка родить надо, возраст подпирает, его еще и воспитать надо. Да не бери на себя забот, мужик ты правильный, не алкаш, здоровый вот и умный к тому же.

– Возьми мой адрес, может, будешь в Москве, заедешь, – пытался я сбить её на другую тему.

– Да твой адрес я давно срисовала, когда ты отлучался, только тебе это надо? Живи спокойно! В столице девок да баб не счесть, что тебе случайная любовь вертухая?

– Поезд отходит! – тянула за рукав меня проводница Верочка.

– Я тебе напишу!

Кричал и махал я рукой женской фигурке, одиноко стоявшей на перроне.

Как-то стерлось из памяти мое сексуальное приключение. Года через два тетушка взмолилась в письме: «Приезжай!» Сам не знаю, почему обратный билет я взял на поезд и только до станции, где так быстро разлучила жизнь меня со случайной попутчицей.

Как думаете – может, зря?

Эх, налюблюсь!

Дядька мой, Егор Николаевич, по фамилии Кузьмичев, вздумал умирать. И хотя годков ему было не так и много, всего семьдесят три, но умирать он собрался всерьез. Было на то две причины: обнаружили у него опухоль, отсюда – паника!

А как же! Дядя мой, ликвидатор чернобыльской аварии, радиации там хватанул по самые ноздри! А вторая причина – более серьезная: уже полгода как умер Кузьмичев, умер как мужчина!

Да не удивляйтесь вы так! Каждый мужчина умирает дважды – сначала как мужчина, а потом как человек. Ну не поднимается у него сексуальный аппарат, не стоит, хоть ты тресни! За рюмочкой водки поведал мне эту тайну старый воин сексуального фронта. Утешил я его, утешил, как мог: «Есть, говорю, средства разные, порошки, таблетки»

Дядька ни в какую: не верю я этой химии!

Купил я ему упаковку из десяти голубеньких таблеток... Спрятал он их, надежно спрятал, под матрац в спальне. Всегда под рукой, и жена не найдет! Но перед тем как спрятать, умудрился прочесть инструкцию. Может, я неправильно назвал – инструкция? Да знаете вы, не раз сами разворачивали длинный листочек, вынутый из коробочки с лекарствами! Вот этот листок-инструкцию, что даже туго-натуго свернутый вчетверо едва входил в упаковку, и проштудировал мой родственник.

И запало в его голову только то, что вызывает этот препарат слегка повышенное давление да мощный прилив крови куда-то там. С тем мой умудренный такими знаниями родственник и припрятал коробочку с голубой мечтой подальше.

А главное, я забыл сказать: было в этой простыне-инструкции некое перечисление, так сказать, побочных эффектов лекарства – да читали вы их! Ну там всякое: головная боль в 40% приема лекарств, судороги в ногах – 0,1%, и так далее. И в самом конце этого процентно-побочного списка стояло: «Летальный исход – редко». Дядька мой хоть и деревенский житель, но не такой уж дремучий, что такое этот самый «летальный исход», знал прекрасно.

Так вот, как только у него выявили эту самую опухоль, хотя с ней не все ясно было врачам, так сразу и стал примерять мой героический дядя на себя «деревянный бушлат».

Это он гроб так называл. И хотя мы всей родней убеждали его, что надо дождаться исследований на томографе, да и даже после операции люди получают шанс на жизнь, дядька впал в меланхолию!

Трагедию переживал мой дядька!

Не судите его строго – радиация и не такое может сотворить с организмом. А тут сразу два удара – не стоит и эта треклятая опухоль! Решительно приготовился мой «радиоактивный» родственник к смерти. И так допекла его эта темно-зыбкая неизвестность – жив, не жив, что решил он свести счеты с жизнью!

Прежде всего прочитал он все мыслимые и не мыслимые способы скорого свидания с небесами.

Сунуть голову в петлю? Отверг сразу – фу, вываливается синий язык, моча на полу, тот еще вид!

Перерезать вены? Милое дело! Да вот только испачкаются простыни. Жена недавно купила новые и постелила. А зачем надо было резать вены в кровати? На этот вопрос Егор Николаевич не мог найти ответа.

Неплохо было бы утопиться. Да разве в нашей речке можно достойно утонуть? Остановился на падении с высоты. А где найти подходящую?! Сигануть с сеновала? А ну как покалечишься? Решительно никак нельзя было свести счеты с жизнью достойно! Вспомнил было

Кузьмичев про отраву, да и тут припомнился случай с его дальней родственницей – та от неразделенной любви хлебнула уксусной кислоты, и так бедняжка мучилась!

Приуныл было мой решительный дядя, да тут на ум пришла ему та самая инструкция на упаковке с голубыми таблеточками: «Летальный исход – редко». Ну это от одной – редко. А ну как сразу все разом?

Отлегло от сердца, просветлел лицом Егор Николаевич Кузьмичев и стал готовиться к столь важному событию в своей жизни. Еще бы – не часто выпадает такой случай! Можно сказать – один раз в жизни.

Прежде всего назначил дату своего ухода – выпало на субботу.

Это хорошо! И в баньке помоешься, и рюмочку-другую пропустишь спокойно, жена ворчать не будет – святое дело! Сам Суворов говорил: «После бани продай кальсоны – но выпей!» Не знаю, говорил ли такое легендарный Суворов, но жена только слегка ворчала на эти слова. Дядька кальсоны отродясь не носил, и подозреваю даже, что он их не видел, но вот нравилась ему эта присказка!

Расписал он все по полочкам – кому какой инструмент отдать, с кого мелкие долги требовать, а кому и крупные простить. В меру своей доброты и солидной для деревни пенсии раздавал он налево и направо мелкие суммы на опохмел тела, на настройку струн душевных, да мало ли по какой такой надобности нужны были деревенским мужикам денежки.

Время тоже рассчитал – придет он с баньки красный да распаренный, жена ему холоденького кваску поднесет, а сама в баню. Вот тут он – раз и всю горсть таблеток в рот. Ляжет на кровать, руки на груди сложит, и бери его тепленького, одевай в светлый костюм, обязательно с галстуком, да укладывай в «деревянный бушлат». Времени на дьявольское действие таблеток вполне хватит – жена после баньки всегда с шумом пьет чай, потом долго прихорашивается – сушит волосы, перебирает свои баночки с кремами.

Наступила суббота.

Банька в этот раз была отменно хороша! Все-таки последний раз он её протопил. Квас тоже удался – немного мяты, чуть-чуть хрена, для пикантной горчинки, и совсем немного, так, на кончике ножа, – корицы. Да – хорош квасок получается! От водки отказался – мало ли, что у них там, на том свете, могут и неправильно понять!

Вышло все, как было задумано. Правда, одно немного испортило настроение пред уходом в лучший мир, ну не знал он, как лучше – жевать отраву или глотать целиком. Победило второе – уж больно таблетки эти были гладкие да кругленькие.

Всё! Лег на спину и стал ждать легкой смерти.

Сначала краской запылало лицо, немного смутило это действие – после бани оно и так красное, а тут – такая добавка. Потом – зашумело в ушах и слегка ослабели ноги, но все это были мелочи по сравнению с последним. Нет, смерть пока скромно стояла в сторонке. А вот почивающий до этой поры дядюшкин член встрепенулся, расправился, распрявился и, так некстати, налился силой оглобли! Дядька даже попенял ему – нашел тоже время! Но у того своя голова, знай себе качается упругой пружиной. Вышло даже забавно, но вскоре стало не до смеха! Сердечко хоть и затрепыхалось быстрее, да голова побаливала порой, но тут возникла такая ломота в яйцах, словно три черныбыльских реактора там рванули!

Отлепил дядюшка свои руки от груди – не вышло красиво умереть, и ну – мять да качивать свой член! От такой процедуры тот еще больше налился силой и отозвался такой ломотой, что взвыл Кузьмичев, словно собачонка от нехилого пинка. И в это самое начало его героических мучений пришла из бани супруга. Дядюшка хоть и собрался умирать, а только смекнул ну про это самое! В общем – клин клином, так сказать. А точнее: состояние стояния ничем больше не унять. Вот и завопил он чисто кот на сеновале в мартовскую ночь! Жена переполошилась – ещё бы, мужик вон как болеет! Прибежала, а он ей – рукой на своего вздыбившегося жеребца показывает. Та вначале даже не поняла, о чем это он ей маячит. А как

увидела, изумилась до предела! Вон сколько месяцев на голодном пайке просидела, а тут такое. Быстренько халатик на пол и в боевую позу.

– Ты что? Вот дура! Видишь, я даже не могу повернуться! Болит и ломит – сил нет! Спасай!

Та на него и ну – спасать! Сначала даже отлегло – после баньки, да ещё при таком желании супруги! А потом – снова накатило! Схватил её дядюшка за пышные бедра и давай насаживать на свой член! Ну прямо немецкая швейная машинка марки «Зингер»!

И тут случился у него первый рекорд – продержал он этот марафон целых пятнадцать минут. Аж спину заломило! Не знаю, сколько раз супруга закатывала глаза в экстазе, а вот дядюшка кончил нехило! Член дернулся в последний раз, выбрасывая невесть откуда взявшуюся жидкость и ... – остался в прежней боевой стойке!

Жена крайне изумилась такому повороту событий, но делать нечего – не часто выпадает такой праздник! Еще отпрыгала на «боевом коне» минут пять. На большее не хватило – с парной баньки да после трудового дня. Пошла было к своим кремам да мазям. Не тут-то было! Дядюшку припекает так, что хоть головой о стенку бейся!

Сильно встревожилась супруга Кузьмичева таким поворотом, но делать нечего. Попыталась, намочив полотенце холодной водой, остудить неумемный аппарат мужа, да куда там. Давай остужать ртом да помогать руками. От такой ласки любой мужик и пары-тройки минут не продержится. Только у дядюшки – форс-мажор, таблетки ещё больше силу набрали. Устала женщина.

– Всё, – говорит, – скорую помощь вызываю!

– Какая скорая помощь?! – взвыл дядя. – Давай, продолжай работать! Ещё раз кончу, может, полегчает!

Отработала супруга минут пять, и что её проняло?

– Ах ты чертов кобелина! Я, всю жизнь прожила с тобой, так и ни разу до конца толком не трахнутая! А ты к другим бабам с вот таким стояком нырял! Ну, я тебе устрою!

А надо отдать должное супруге моего дядюшки. Знала она о похождениях своего благоверного! Знала и прощала. Может, потому что из четверых ликвидаторов аварии он один остался в живых?

– Лежи, – погрозила пальцем супругу, – будет тебе скорая сексуальная помощь!

И ушла куда-то. Лежит, тот, охает да стонет. Погладит руками свой член, а тот дрожит от напряжения. Тут не до смерти. Слышит – женские голоса, вроде как.

И точно! Заходит в комнату супруга и соседка, та, что слева. Дядька вроде как ненароком, по-свойски так, захаживал к ней на огонек. А потом и вовсе, по-простецки, где-нибудь на сеновале или в баньке, быстренько да в азарте, тешил свою похоть. Да и соседка тоже была не против задрать перед ним подол своего платья.

– Вот, смотри, как его скрутило! Сама не знаю, что с ним! Давай, помогай, я уже устала. Та ни в какую!

– У меня ничего, говорит, с ним не было! Это все сплетни нехорошие!

– Ты вот что, соседка! Перестань предо мною хвостом крутить! А то я как намотаю твои патлы на руку да отхожу скалкой по заднице твоей, которую ты перед моим супругом не раз задирали! Видишь – неладно с ним что-то! К врачам везти – сраму не оберешься! Помогай, по-хорошему прошу! – И ушла.

У соседки – глаза от изумления, словно два чайных блюдца. Тут и дядюшка взмолился:

– Выручай, а то яйца лопнут!

Та, недолго думая, оседлала дядькин член. У неё тоже сексуальная голодовка приключилась – муж третий месяц толком не просыхает от водки, даже рукой ей по заднице не хлопнет.

Прыгает на соседе без зазрения совести.

– «Да черт с ними, – думает, – пусть сами потом разбираются! Сама привела, сама заставила, а этот тоже хорош! Плакался – умирать буду, а две бабы за раз не могут ублажить!»

Тут чистая комедия – заходит жена, с подносом, чай, варенье, ложечки на три персоны.

От неожиданности соседка замерла словно кот, которого застукали с куском ворованного сала.

– Давай, давай, молоти! Мне муж здоровым нужен! А ну как его стоячка замучает? Нака вот, чайком побалуйся!

И эти две мегеры так быстро поняли друг друга!

Жена сидит, кремом своим что-то на лице рисует, соседка скачет на дядьке да ещё изредка чаек прихлебывает! А тому уже не до стыда и не до секса. Закатил глаза и улетел куда-то. Это мне он сам потом рассказывал, посмеиваясь да подшучивая над собой:

– Нырнул словно в темную тучу, только слышу – вроде голоса и такой противно-резкий запах. Очнулся – две голые бабы суетятся рядом! Ну, думаю, точно на том свете! Только почему бабы? Может, это черти так вырядились? А они, эти бабы, меня усаживают, подушки под спину подкладывают и чем-то напоить норовят. Чем они там у себя в аду народ опаивают? Дай, думаю, – хлебну! И знаешь, племяш, оказалась – чистая вода! Никогда ничего вкуснее не пил! Чувствую – вроде как отлить хочется, а вот чем – это не чувствую! Нет, какое-то болезненное ощущение на своем конце чувствую, только он вроде как обмотан тряпицей и пощипывает там немного. Веришь – я чуть не взвыл – кастрировали, гады! А сам соображаю: ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Только сердечко нехорошо стучит – тук, тук, тук! И тут эти бабы чего-то мне на руку прилаживают, а голосов мне не разобрать, узнать их не могу.

– Кыш, – вроде даже как рассердился на них, – проклятые, я ещё живой!

Прояснилось вроде как, словно мозги мои расплавленные кто-то в кучу собрал.

– Смотри, он вроде как что-то сказать пытается! – Одна баба наклонилась ко мне. И чую, вроде как сиськи такие знакомые! А вот лицо нет!

– Повернись, – прошу её, – может, по заднице узнаю!

А она – не понимает меня или делает вид, что не понимает.

– Давление – сто двадцать семь на восемьдесят пять, в космос с таким можно лететь! А вот сердечко трепыхается неровно. Девяносто пять ударов, многовато! Давай еще полтаблетки дадим?

– Нет, четвертушку под язык ему! Хватит пока, а то как понизим давление, как будем поднимать? Да ты глянь, что там с его членом?

– Да вроде как нормально, крови не видно! И с чего это кожа на конце лопнула? Да ещё в двух местах?

– Ты, соседка, мне мужика угробила! Дорвалась до дармового, вот и прошоркала полчлена!

– Да это не от трения! Посмотри – это же трещины! Вот и кровь, хоть немного, но ещё сочится! А с чего это он у него так стоит?

– Да кто его разберет! У меня двоюродная сестра врач по этому делу, как увижу, спрошу!

И полили они бесчувственный мой член чем-то из флакончика. Защищало, заломило хоть и не сильно, но привело это действие меня в чувство!

– И знаешь, племяш, – дядька неторопливо отхлебнул чаек из бокала, – все сразу встало на свои места! И баб, этих чертовок, я узнал, и что со мной случилось-получилось, тоже вспомнил! И заплакал как ребенок! По своей жизни, что прошла, да так прошла, что не заметил... и по любви своей, что недолюбил, недоласкал... А может, ну его, этот чай? Давай что покрепче, а?

Я помотал головой: после баньки да после дядькиного рассказа спиртного не хотелось.

– Вот так я и стал вроде как опозоренный перед женой да ещё перед соседкой. Хотя как сказать... то я бегал к ней, к соседке, тайком, а тут – такое вот дело. Да ладно! Проехали и этот случай.

Самое интересное началось потом. Пришел срок ехать мне на эту самую томографию. Интересно все было. Положили они меня на кушетку, и поехала она в какую-то трубу. Тесно, как в гробу. Даже страшно немного стало. Ну, я толком испугаться не успел, как они меня выкатили назад. Встать не разрешили и позвонили кому-то. Пришли сразу трое в белых халатах.

«Ну, – думаю, – плохи мои дела!» Снова вкатили в эту белую трубу. Покатали туда-сюда и пригласили к себе за стеклянную стенку. «Вы, Егор Николаевич, подождите в коридорчике, мы вас позовем». Ждал я почти час. За это время мимо меня много народу прошло. Все в белых халатах, все с любопытством так смотрели. Наконец дождались они какого-то старикашку, щупленького и в очках. Приглашают, – дядька твердой рукой поставил бокал на стол, – вхожу я это к ним, там у них человек десять набилось. Ну, думаю, точно зарежут. Нет, вежливо так, с интересом смотрят на меня. «Мы тут консилиум собрали. Из ваших снимков на томографе видим резкое изменение контуров опухоли. Локализовалась и стала меньше. Не намного меньше, но заметно. Вот ваше обследование на УЗИ, тут она явно больше! Такое наблюдается крайне редко. Мы решили отложить вашу операцию на полмесяца. Однако ваше течение болезни крайне интересно для науки! Мы предлагаем вам пройти повторное обследование через неделю. Специально для этого выделим время для анализов на приборах». Знаешь, я согласился! Рискну, думаю, мало ли что, вдруг медицина мне поможет. А они ничем и не помогли... Только анализы да бумажки свои писали. Вот вчера почти целый день промариновали – то кровь им сдай, то УЗИ пройди, то в своей белой трубе держали меня долго. Удивлялись, качали головами: «Непонятное явление! Опухоль стремительно регрессирует! – уменьшается, значит, – какие лекарства вы принимаете? Что пьете, кушаете?» Не стал я им говорить про эти таблетки. Да ну их! Из-за них чуть дуба не дал! Ты, племяш, вот какое дело, – дядька наклонился ко мне, – ты еще упаковочку таблеток для меня прикупи! Теперь я по одной их глотать буду. Попляшут у меня бабы!

Егор Николаевич Кузьмичев, мой дядя по матери, твердо поставил бокал на стол.

Дежурство

Совхоз, в который меня прислали по распределению после окончания института, располагался на юго-западе Ставропольского края. Небольшая речушка, начинавшаяся где-то в горах Кавказа, каждую весну щедро, до краев, наливала два водохранилища, между которыми привольно раскинулись фруктовые сады. И каждую весну буйство цветения яблонь, слив и абрикосов дурманило голову. Еще больше впечатлений приносила осень. Созревшие яблоки благоухали таким ароматом, что казалось, сам воздух становился похожим на громадную антоновку, был густым и сочным, бери и режь ножом на сочные ломтики.

В такую пору все население станицы от мала до велика привлекалось на уборку созревшего урожая. Меня тоже не миновала сия участь. Нет, работу мою никто и не думал отменять, все было гораздо проще – отработав на своем участке, почти все работники совхоза до наступления темноты собирали и складывали яблоки в ящички, сколоченные из тоненьких дощечек. Страда, одним словом. В один из дней директор совхоза «обрадовал» меня новостью. Должен был я заступить на дежурство по охране садов. Выделялись несколько человек в помощь штатным сторожам, отпугивать мальчишек от садов да заезжих гастролеров, падких до совхозного добра. Работа не тяжелая, знай себе ходи, мельтеши на виду, и чем больше от тебя шума, тем лучше.

Придавалась в мое распоряжение дополнительная сила – две молодые доярки, их освобождали от утренней дойки, и они должны вместе со мной обходить дозором сады да распевать песни при этом. А как же, охрана не дремлет, охрана не спит!

Доярочки оказались полными противоположностями друг другу, одна пышненькая, круглолицая, с грубоватым голосом, а вторая – стройная смуглянка, с высоким и нежным сопрано, прямо-таки оперная дива. Одеты они были тепло для наших южных ночей, кроме того, имели при себе плетеные кошелки внушительных размеров, аккуратно накрытые рушниками, вышитыми полотенцами.

– Ой, Тоня, глянь, наш инженер так легонько оделся, обрядился в наши-то росные ночи, – пропела пышечка, – не пришлось бы его отогреть!

– Брось, Оксана, не смущай хлопчика, – урезонила её подружка.

– Да який жа он хлопец, вон якив файный легень, ти побачимо побільше, – перешла она на украинскую мову. «Занозистая хохлушка», – подумал я.

– Мой-то все пшеницу косит и косит, домой придет – ничего не просит, ой, кажись, оторвусь я сегодня по полной, – не унималась толстушка.

– Ну, вогнала парня совсем в краску. – Тоня пристально, с легкой улыбкой посмотрела на меня. От её взгляда стало как-то по-домашнему тепло.

– Ой, подруженька, да он на тебя, кажись, запал, давай, парень, не робей, Тонька – она с виду строга, а так вон вкусней ранеточки будет! – пышнотелая Оксана сорвала с ближайшего дерева румяное яблоко и, брызнув соком, с хрустом надкусила его.

– Бери кого хочешь, обе в соку, не теряйся, хлопец, пока как сухие яблочки не сморщились! – Оксана погладила рукав моей рубашки. – Ой, подруженька, отобью я его у тебя этой ночью, ой отобью! – нараспев пропела она.

– Все, хватит зубоскалить да охальничать. – Тоня, раскрыв кошелку, стала расстилать рушник на траву под деревом. – Сидайте с нами, вечерять будем!

«Все никак не привыкну к казачьему выговору», – с легкой досадой подумал я.

– Нет, девушки, спасибо, я не хочу еще кушать, – стал неловко отказываться я.

– Тю, якие мы стеснительные, – хохотнула Оксана, – не робей, подвигайся поближе, никакие мы не девушки, бабы обыкновенные, станичные. Ты, небось, привык к модным городским

дивчинам, а мы все больше с буренками управляемся, с нами обхождений городских можешь не чинить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.